

ТЕАТР

СОБЫТИЯ НЕЗАБЫВАЕМЫХ ЛЕТ

Николай II — В. Колчин, генерал Корнилов — В. Этуш, Протопопов — И. Липский, советник французского по-

Среди юбилейных постановок московских театров, показанных в дни фестиваля в ознаменование сороковой годовщины Октября, видное место занимает спектакль «Большой Кирилл» в Театре имени Евг. Вахтангова.

Очень сложную и трудную задачу поставил перед собой автор этой пьесы Илья Сельвинский: нарисовать объемную картину революции, показать ее движущие силы, ее свершителей — от Ленина и его ближайших соратников до безымянных героев баррикадных боев, передать ее пафос, ее величие, героическую романтику революционных будней. Широта этого замысла определила своеобразие жанра и композиции пьесы, многие ее особенности.

Эпос и романтика, сила обличения старого, уходящего мира и пафос утверждения новой, революционной правды, конкретные бытовые детали и широта обобщений органично сосуществуют в пьесе Сельвинского. Стремясь острее столкнуть прошлое с настоящим, показать неизбежность торжества социалистической революции как высшего этапа многовековой борьбы трудового народа с угнетателями, драматург обращается к смелым сопоставлениям.

Вряд ли могла действительно состояться изображенная в пьесе встреча российского самодержца Николая II с арестованным революционером Чоховым, которого в кандалах приводят в царский дворец, да еще в тот момент, когда царица со своими приближенными участвует в спиритическом сеансе, вызывая «дух» Григория Распутина. Трудно представить себе и реальную возможность такой сцены, как голосование «дикой дивизии» за арест Корнилова по требованию связанного и избитого офицерской нагайкой Чохова. Но автор, как нам кажется, и не стремился здесь к чисто внешнему правдоподобию. Он стремился раскрыть самую глубинную сущность процессов, происходящих в сознании людей, передать напряженнейший драматизм революционной борьбы.

Внутренне оправданными кажутся нам и такие условные по своей природе сцены, как освобождение Чохова из тюрьмы, куда первой врывается его дочь, как появление Сулеймана Стальского на митинге в «дикой дивизии», как сцена у Медного всадника, где за несколько часов до выстрела «Авроры» Чохов и его дочь говорят о пушкинской поэме и цитируют строфы из нее. Здесь перед нами снова либо много говорящие обобщения, либо торжественная переключка эпох и народов, придающая пьесе эпическую широту.

Романтическую приподнятость повествованию сообщает и мужественный, энергичный стих Сельвинского. С суровой сдержанностью и простотой нарисованы образы солдат революции, в первую очередь Большого Кирилла (партийная кличка Чохова) и его дочери Зои. И с этой сдержанностью и простотой хорошо контрастирует та убийственная ирония, с какой изображает поэт представителей старого мира — царя Николая II, Керенского, Манташева, иностранных дипломатов.

Автор хорошо владеет искусством лаконичной и в то же время эмоциональной характеристики. Это позволило ему рядом с основными героями пьесы нарисовать такие эпизодические образы, каждый из которых раскрывает различные стороны общей картины революции: Артемьев — восторженный романтик революции, бдительный матрос-часовой в Смольном, или — совсем из другой среды — ночной гуляка из «бывших», в ночь накануне штурма Зимнего юродствующий перед памятником Петру (прекрасно сыграны эти роли В. Кольцовым, М. Грековым и Б. Шухминим).

Однако стремление драматурга охватить возможно больший круг событий и людей обусловило и некоторые недостатки пьесы. Автор чрезмерно растягивает отдельные сцены, ослабляя их напря-

жение. Иногда художественное обобщение подменяется иллюстрацией, кое-где высказывания героев не свободны от риторики.

В процессе совместной работы автора и театра пьеса подверглась многим изменениям. Некоторые из них кажутся нам не оправданными (переделка финала картины «Дикая дивизия», замена стиха прозой в картине «Начало эры»), большинство же пошло на пользу спектаклю. Театральное решение темы революции, темы народа-исполина, разрывающего цепи рабства, отмечено той же, что и в пьесе, суровой, мужественной простотой. Вот на фоне закатного неба над крепостными стенами Петропавловки, точно раздвинутыми

солества Дульсе — И. Толчанов и в особенности Керенский в блестящем исполнении М. Астангова, с психологической достоверностью раскрывшего всю подноготную «временно обожаемого» правителя России, и Манташев — Н. Гриценко — это галерея образов, сыгранных в лучших вахтанговских традициях, — тонко, остро, значительно.

И в пьесе, и в спектакле образы враждебного революции лагеря занимают весьма значительное место. И это вполне закономерно. Чем полнее раскрывается автором и театром во всей ее сложности политическая обстановка предоктябрьских дней, тем яснее становится значительность, величие

могучей человеческой лавиной, застыла с оружием в руках группа рабочих-революционеров, как бы утверждая неизбежность первой победы и готовность к новым боям. Вот в лучах прожекторов вся — единый порыв, вся — единое устремление, огромная толпа рабочих, встречающих Ленина, всматривается в темноту зрительного зала. Вот в глубоком молчании расстилают только что неистовствовавшие бойцы «дикой дивизии» свои бурки к ногам раненой девушки, которая принесла им слова новой, великой правды...

И в этих, и в других сценах режиссер спектакля Рубен Симонов проявляет большое чувство художественного такта, сочетая яркую театральность с проникновением в смысл изображаемых событий. И здесь большую помощь режиссеру оказал художник И. Рабинович, нашедший точные решения многих картин спектакля.

Романтической приподнятости, монументальности добивался театр и в создании образов революционеров. Спокойным и сосредоточенным, но за этим спокойствием тающим огромную внутреннюю силу и революционную страсть, предстает перед нами Большой Кирилл (артист А. Абрикосов). Расправляющий плечи богатырь, только что пробужденный от сна, — этот былинный образ воскрешает в памяти исполнение артистом М. Дадько роли молодого солдата Ивана Большого. Вдохновением борьбы, ясной и светлой верой в правоту дела революции согрет образ юной дочери Чохова Зои (артистка Е. Добронравова).

Роль В. И. Ленина в спектакле исполняет талантливый артист Н. Плотников. Он много сделал для того, чтобы донести до зрителя образ вождя. Но работу артиста еще нельзя признать законченной, и хочется думать, что она будет продолжена.

В пьесах, посвященных годам революции, стало почти традицией изображать представителей старого мира подчеркнутым шаржированно, чуть ли не карикатурно. Театр вслед за автором отказался от такого изображения и нарисовал вполне реалистические образы, лишь оттенив в тончайших деталях свое ироническое отношение к ним. И этого оказалось достаточно для полного обнажения потрясающей пустоты и ничтожности стремлений одних, алчности и злобы других.

победы пролетариата и его партии.

Глубоко проникнув в замысел автора, театр имени Евг. Вахтангова создал монументальный спектакль.

Н. КАЛИТИН.

НА СНИМКЕ: сцена из спектакля. Чохов (Большой Кирилл) — артист А. Л. Абрикосов; Иван Большой — артист М. С. Дадько.

Фото А. Гладштейна.